

**Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский Областной Институт ПКРО**

**Традиция и новация:
культура, общество, личность**

**Материалы XXVI Духовно-исторических чтений
памяти святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия**

Томск – 2017

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ РФ: ОТРАЖЕНИЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ РЕАЛИЙ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Фарукова А. В.

Томский государственный университет

В мире каждый день происходят различные события, человек сталкивается с большим объемом информации, которую ему приходится поглощать. Эти события транслируются в СМИ, обсуждаются членами политических институтов РФ и других профессиональных сфер, гражданами в целом. Они не проходят бесследно, они тем или иным способом отражаются в дискурсе. Метафоры являются формой отображения действительности и оценки происходящих событий, а также формой манипулятивного воздействия, когда метафора в политике направляет мысль в определенное направление.

«Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную (или одну из основных) ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира» [1, с. 4]. Человек выражает свои мысли с помощью метафор, думает метафорами, познает, оценивает, структурирует мир, в котором он существует. То есть метафора играет важную роль в формировании и функционировании языковой картины мира. Она включает в себя множество образов мира, например, картины прошлых эпох развития этноса, его культуры. В целом, языковая картина мира – это зафиксированная в языке и специфичная для данного коллектива схема восприятия действительности.

Прежде чем говорить о парламентском дискурсе, следует затронуть понятие «дискурс», частью которого он и является. Термин «дискурс» – ключевое понятие современной социальной жизни и гуманитарной науки. Но универсального понятия не существует. Исследователи создают свои уникальные теории, где дают определение дискурсу. По нашему мнению, дискурс – это знаково-символический способ коммуникации, включенный в определенный социокультурный контекст, преобразованный адресантом. Дискурс существует в конкретном смысловом измерении и соответственно передает определенные смыслы. Сферы бытия дискурса могут быть различными: медицинская, политическая, рекламная, юмористическая и многие другие. Политическая сфера многообразна, поэтому в основу политического дискурса должны быть включены все компоненты, влияющие

на восприятие, построение речи: политические взгляды адресанта, политическая ситуация в данный момент, референты, влияющие на адресанта и адресата и т.п. [2, с. 242-245.].

Парламентский дискурс отличается ограниченным институциональным пространством: существует определенный регламент, время, пространство, протокол выступлений и т.п. С одной стороны, от политика ожидаются качественные рассуждения, соображения, аргументация, выводы. Но с другой стороны – неотъемлемыми чертами остаются оценочность, эмоциональность, ситуативность в процессе дискурса. Что выражается порой во вседозволенности речевых и не парламентских средств аргументации, так как парламентский дискурс характеризуется еще и агональностью (идеологической конфронтацией, непримиримостью позиций) [3, с. 25.]. Е.И. Шейгал и В.В. Дешеева утверждают, что агональность является неотъемлемой характеристикой не только парламентского дискурса, а в целом – политического [4, с. 145.].

В парламенстком дискурсе сосуществуют различные дискурсы: партийные, идеологические, этнические, культурные и другие. Происходит постоянное взаимодействие и воздействие людей друг на друга, обмен символами, смыслами, некоторые из них выходят на первый план (присущие доминирующим политическим фигурам). При этом парламентский дискурс направлен и заинтересован в рассмотрении определенного объекта в конкретный момент времени.

Метафорическую номинацию получают, прежде всего, те реалии, которые являются значимыми для социума в целом или для конкретного человека в его жизни. Так, при рассмотрении парламентского дискурса в рамках социальных метафор наиболее популярными оказались военные и криминальные метафоры. А в целом же, социальные метафоры включают в себя всю социальную деятельность человека, начиная, например, от работы пожарником до декламации стихотворений или карточной игры.

Рассмотрим данные наиболее встречающиеся виды на примере стенограмм Государственной Думы РФ осенней сессии шестого созыва 2015 года. Каждый фрейм содержит внутри себя типические представления, данные о возможном и характерном [5, с. 132]. Так криминальная метафора находится в рамках прогитвозаконного поведения и практически всегда отождествляется с негативной оценкой действительности. Данная модель включает в себя следующие смысловые единицы: преступники, преступное сообщество и иерархия в нем, незаконные действия или «профессиональная деятельность», преступный сленг,

взаимоотношения и быт в преступном сообществе, орудия деятельности, деятельность правоохранительных органов (если есть преступники, то есть и те, кто борется с ними, имеются места заключения и люди, которые следят за ними в этих местах) [6, с. 60-62]. Криминальная метафора пронизана и эмоциональностью, она соотносится с тревожностью, с опасностью, со страхом, с агрессивностью. Заметно и противопоставление «чужих» и «своих».

Самой распространенной оказалась смысловая единица связанная, с преступной деятельностью, характеризующаяся именно действиями. Например, Руденко А.В., «Справедливая Россия»: «Коллеги, это вам привет, вам должно быть обидно, что ваши голоса УКРАЛИ!». Романов В. С., «КПРФ»: «Шаг за шагом Соединённые Штаты и отчасти их союзники продолжают ЗАТЯГИВАТЬ ПЕТЛЮ НА ШЕЕ у России, а Россия как будто лишилась инстинкта самосохранения и ничего кардинального не предпринимает».

Само преступное деяние часто вызвано несогласием существующего положения дел, попыткой восстановить свою справедливость. Здесь не идет речи о гуманном поведении и отношении к миру и населению.

Военная метафора тоже задает конкретные рамки. Война предполагает конфликт, образ врага и нас, как защитников справедливости, единства или своих взглядов. Война ведется с помощью различных средств, также она предполагает определенные этапы, разновидности, включает в себя специфические понятия (фронт, эшелон, дислокация, войско и множество других). К тому же война всегда связана с сильнейшими эмоциями и чувствами: агрессивность, тревожность, боль, чувство опасности, чувство долга, смелость, героизм и т.п.

Неудивительно, что военная лексика прочно вошла в язык и выражается в обилии военных метафор. При рассмотрении истории России, можно заметить, что практически на каждое поколение выпадала война. Еще в языке советских деятелей и революционеров было замечено широкое употребление военных терминов и метафор [7, с. 186]. То есть военные элементы из жизни отражались и на языке.

Как и в случае с криминальной метафорой, самой распространенной в употреблении оказалась смысловая единица, связанная с действиями. Нилов Я. Е., «ЛДПР»: «На Европу ИДУТ АТАКИ спайсом и наркотиками — так как же можно в этих условиях стратегические отрасли передавать в руки граждан не просто иностранных государств, а, я подчёркиваю, стран НАТО?!». Диденко А.Н., «ЛДПР»: «... в сторону России ПОЛЕТЕЛИ СТРЕЛЫ, очень часто звучала откровенная клевета».

Доминирование смысловых единиц, связанных с действиями, усиливает момент «противоборства», противопоставления «своих» и «чужих».

Можно заметить схожесть с «криминальными действиями», ведь на войне данные действия тоже совершают. Также здесь практически пересекается и эмоциональная составляющая: агрессивность, тревожность, боль, чувство опасности, страх и так далее. К тому же в этих двух видах социальных метафор четко прослеживается противопоставление «свои-чужие», «мы-они».

Таким образом, если принимать во внимание точку зрения о том, что метафора отражает существующие реалии в языковой картине мира, то можно выявить характерные доминанты, специфичные для данного коллектива и их дискурса. Так доминирование военной и криминальной метафоры, а именно смысловых единиц, связанных с действиями указывает нам на следующие доминанты: конфронтационность, нагруженность эмоциями, стереотипность (в рамках данных смысловых блоков) и заданные альтернативы для решения проблем.

Литература

1. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография. – Екатеринбург: Урал.гос. пед. ун-т, 2013. – 176 с.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 324 с.
3. Алферов А. В. Кустова Е. Ю. О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию // Политическая лингвистика. – 2014. – Вып. 3 (49). – С. 24-33.
4. Дешевова, В.В. Агональность в коммуникации: структура понятия / Е.И. Шейгал, В.В. Дешевова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – Вып. 36. – 2009. – № 34 (172). – С. 145-148.
5. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. Пособие. – М.: Изд-ва «Флинта», «Наука». – 2012. – 254 с.
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – Екатеринбург: Урал.гос. пед. ун-т, 2001. – 238с.
7. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917-1926) / Изд-е 2-ое, стереотип. - М.: УРСС, 2003. - 247 с.